

ФРЕЙМ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ЛИЦА СЛЫШАЩЕГО

Тариева Лилия Увайсовна, кандидат филологических наук, Ингушский государственный университет, 386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6, e-mail: Tariyeva10@mail.ru.

В статье представлена авторизация функции лица Слышащего как одного из лиц парадигмы, результирующая сенсорной аудитивной эвиденциальностью. Авторизация лица Слышащего открывает один из возможных (аудитивных) миров в субъективной области мышления индивида.

Ключевые слова: лицо Слышащее, аудитивность, интенциональность, экспериментальность, эвиденциальность, возможный мир

FRAME INTENTIONALITY PERSON LISTENER

Tariyeva Lilia U., Candidate of Philological Sciences, Ingush State University, 386102, Republic of Ingushetia, Magas, 6 H.-B. Mutaliyev st., e-mail: Tariyeva00@mail.ru.

The article presents the authorization functions of the person heard one of the persons paradigm, the resulting sensory auditory evidential. Authorization face Listener opens one of the possible (auditive) worlds in the subjective realm of thinking of the individual.

Keywords: person Hearing, auditivnost, intentionality, eksperiyentsialnost, evidentsialnost, possible world

Парадигма лиц, представленная в [7, с. 8], описывает такую категорию, как лицо Слышащее, исполняющее функцию модального субъекта смысла, самой сильной характеристикой которого является интенциональность на акустический охарактеризованный денотат реальной действительности:

1) *Сона (AFF) хоз / Я слышу (обладаю способностью слышать);*

2) *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал / Я слышу, что я произношу* (т.е. обладаю способностью слышать, как я произношу).

Перцептивное мышление дифференцировано на: «а) зрительное, б) слуховое, в) основанное на общих ощущениях» [11, с. 4]. В ингушском языке категоризация слухового восприятия индивида результирует лицом Слышащим, выступающим в качестве модального субъекта смысла.

Функция лица Слышащего как модального субъекта смысла экспонируется как комплексное явление, укладывающееся во фрейме аудитивной интенциональности, интерпретируемой нами в качестве авторизации данного лица, представляющего:

1) трансцендентную аудитивную интенцию, направленную во внесубъективную действительность;

2) достигаемость, сущность которой заключается в онтологически обусловленном радиусе действия, в рамках которой акустическое свойство явления может быть схвачено аудитивной интенцией;

3) ограниченность, которая определяет границы распространения аудитивной интенции по мере достижения цели;

4) транзитивность, которая указывает на переход перцептивной интенции на объект или явление действительности в момент его достижения;

5) интендирование, представляющее собой восприятие акустически охарактеризованного явления посредством его охвата и проникновения в него;

6) снятие с интендируемой субстанции акустически охарактеризованной картинки-образа;

7) экспериментальность, когда интенционально воспринятая аудитивная информация-образ отправляется в перцептивную ячейку субъективного мышления, отвечающую за слуховое восприятие;

8) трансцендентная интериоризация аудитивной информации в области перцептивного мышления;

9) прямую аудитивную эвиденциальность, или «direct auditory evidence» в терминах [11] как результат модальной функции лица Слышащего;

10) эвиденциальное закрепление интериоризованной акустической информации в ячейке перцептивного мышления, отвечающего за сенсорное слуховое восприятие.

Дефектность функции лица Слышащего, когда отсутствует такая составляющая аудитивной интенциональности, как интендирование (пятый пункт фрейма), исключая полноту рамки интенциональности лица Слышащего, закрывает для индивида один из «возможных миров», понимаемый в терминах [10].

Целью интенции Лица Слышащего в рефлексивном режиме интерпретации [9] речевой ситуации представления собственного аз/эго vs. со/эго является акустическая охарактеризованная функция лица Произносящего, достижение которой есть транзитивность свойства слышания, которая в момент слияния с внешним звуком (с произнесением слова *со/я*) интендирует его, как нам представляется, охватывает, проникает и непосредственно снимает аудитивную картинку-образ в нашем случае со звуков [с°] и [yo]. Момент интендирования произнесения однословного высказывания *со/я* указывает на предельность распространения интенции модального субъекта лица Слышащего в процессе его авторизации. В ситуации интендирования интенция, обогащённая звуковой информацией (т.е. [с°] и [yo]), снятой с функции лица Произносящего: *со/я*, трансформируется в экспериенциальность. Интенциональность и экспериенциальность – функции лица Слышащего – представляют собой один перманентный процесс: в момент достижения интенцией акустической цели происходит интендирование, когда меняется траектория интенциональности, трансформируемой в экспериенциальность. Экспериенциальность в этом случае – это та же интенциональность, только обогащённая звуковым квантом качественно иной информации (диктумной), снятой с акустического объекта реальной действительности (с произносимого слова: *со/я*), развёрнутая в обратную сторону и направляющаяся с этой информацией в исходную перцептивную ячейку, ответственную за восприятие звука в ментальной области мышления.

Лицо Слышащее как аудитивно ориентированный компонент парадигмы лиц ингушского языка онтологически способно распознавать только акустическую информацию, свойственную объектам реальной действительности. В рефлексивном режиме интерпретации ситуации представления лица Произносящего определяется «аз/эго», мыслимое «в качестве объекта, осознающего собственную субъектную позицию [5, с. 31]. В рефлексивном режиме интерпретации элементарной речевой ситуации, в которой представляется собственное эго: лицо Произносящее и лицо Говорящее, морфосинтаксически по-разному представленные (*аз/я* vs. *со/я*), как правило, интегрированы, хотя их совмещение не всегда является удачным (если индивид немой).

Функция лица Слышащего валентна активности лица Произносящего и индифферентна функции лица Говорящего, распознаваемого субъектом смысла с другим модальным статусом: сенсорным визуальным (*visual sensory*).

Финалью модальной функции лица Слышащего в дистинкции собственного эго является *direct auditory evidence* (девятый компонент фрейма аудитивной интенциональности), фиксируемая в соответствующей точке перцептивного мышления, откуда трансцендентно директировала интенциональность данного лица.

А.В. Бондарко интерпретирует модальность как категорию коммуникативного синтаксиса, охватывающего и модальное значение засвидетельствованности, т.е. эвиденциальности [2, с. 35–40].

На наш взгляд, аудитивная эвиденциальность есть итог модальной деятельности лица Слышащего. Функция лица Слышащего результирует аудитивной эвиденциальностью, механизм которой заключается в онтологически обусловленной способности интенционально выхватывать из многообразия явлений действительности звук человеческого голоса в рефлексивном режиме интерпретации, а затем в перманентном экспериенциальном процессе переправлять его в исходную ячейку перцептивного мышления, отвечающего за аудитивность.

В области перцептивного мышления, ответственной за восприятие акустического явления, аудитивная информация, в нашем случае произнесение однословного высказывания *со/я*, в акте схватывания собственного эго эвиденциально закрепляется, экспонируя пространство одного из возможных миров, т.е. аудитивного мира в когнитивной деятельности индивида. Эвиденциальная информация (произнесение слова *со/я*, представляющего собственное эго), доставленная модальной функцией лица Созерцающего трансцендентно в субъективную мыслительную область и запечатлённая в аудитивном возможном мире, обуславливает квалификацию данного субъекта смысла в качестве аудитивного эвиденциала: *Сона (AFF) хоз/ аз(ERG) оал / Я слышу что я произношу* (т.е. обладаю способностью произносить).

Объект реальной действительности, в нашем случае звуковая номинация собственного эго, непосредственно перенесённый из объективной действительности в субъективную, посредством модальной функции лица Слышащего, и эвиденциально закреплённый в перцептивном мышлении, обладает большей степенью доверия, чем «косвенная эвиденция (indirect evidence)» [11, с. 58]. Засвидетельствованная аудитивная информация удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом, т.е. субъектом восприятия, названным нами хоалу саг/Ното sensus [6], функция которого релевантна только по отношению к интериоризованной (овнутренней) информации:

1) *Сона (AFF) хов, аз (ERG) оал / Я знаю, что я произношу* (т.е. я знаю, что я не немой);

2) *Сона (AFF) хов айса (ERG refl.)оалилг / Я знаю о своем произношении* (о том, что я произносящий, не немой).

Интенциональность лица Слышащего, перманентно трансформируемая в экспериенциальность в процессе интериоризации, напрямую закрепляет функцию лица Произносящего в ментальной области мышления как засвидетельствованную информацию. Лицо Произносящее, таким образом, имеет место как напрямую засвидетельствованная категория вследствие его модального прочтения лицом Слышащим в рефлексивном режиме интерпретации: *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал / Я слышу, что я произношу* (т.е. не глухой).

Если репрезентация не артикуляционной, а звуковой ипостаси собственного эго удачно состоялась, то мы можем констатировать, что сенсорный аудитивный эвиденциал, соотнесённый в ингушском языке на глубинном уровне с финальной частью модальной функции лица Слышащего [9], закреплённый в континууме перцептивного мышления, запускает механизм семантики одного из «возможных миров» [11, с. 25].

Семантика возможного аудитивного мира, как правило, интегрирована с семантикой возможного визуального мира, хотя необязательно. Если в аудитивно возможном мире исключена прямая функция сенсорного визуального эвиденциала, то этот мир может быть соотнесён с возможным миром жителей «Страны слепых» [3].

Список литературы

1. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
2. Бондарко А. В. Эксплицитность / имплицитность в общей системе категоризации семантики / А. В. Бондарко // Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. – Калининград – Светлогорск : Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2006 – С. 21–24.
3. Герберт Дж. У. Страна слепых / Дж. У. Герберт. – Москва : Правда, 1964. – 418 с.
4. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
5. Липпс Г. Самосознание, ощущение и чувство / Г. Липпс. – Санкт-Петербург : Слово, 1910. – 84 с.
6. Тариева Л. У. Междометия в ингушском языке (онтологическое и референциальное измерения) / Л. У. Тариева. – Назрань, Кеп, 2013. – 74 с.

7. Тариева Л. У. Парадигма лиц в ингушском языке. Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве / Л. У. Тариева // Материалы III Международной научной конференции. – Нальчик : Каб.-Балк. гос. ун-т, 2013. – С. 356–365.
8. Тариева Л. У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации / Л. У. Тариева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 4. – С. 84–89.
9. Тариева Л. У. Слышащий в качестве субъекта восприятия / Л. У. Тариева // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4 (48). – С. 30–34.
10. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования: Избранные статьи / Я. Хинтикка. – Москва : Прогресс, 1980. – 447 с.
11. Willett Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality / Th. Willett // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12, № 1. – P. 51–97.

References

1. Babushkin A. P. «Vozmozhnyie miryi» v semanticheskom prostranstve yazyika. Voronezh, Voronezh State University, 2001. 86 p.
2. Bondarko A. V. Eksplitsitnost / implitsitnost v obschey sisteme kategorizatsii semantiki // Eksplitsitnost/implitsitnost vyrazheniya smyslov. Kaliningrad, Svetlogorsk, Immanuel Kant State University of Russia, 2006, pp. 21–24.
3. Gerbert Dzh. U. Strana slepyih. Moscow, Pravda, 1964. 418 p.
4. Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsialnosti (problemyi tipologicheskogo analiza) // Voprosyi yazykoznaniya, 1994, № 3, pp. 92–104.
5. Lipps G. Samosoznanie, oschuschenie i chuvstvo. St.-Petersburg, Slovo, 1910. 84 p.
6. Tarieva L. U. Mezhdometiya v ingushskom yazyike (ontologicheskoe i referentsialnoe izmereniya). Nazran, Kep, 2013. 74 p.
7. Tarieva L. U. Paradigma lits v ingushskom yazyike. Yazyik, kultura, etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve. Nalchik, Kab.-Balk. State University, 2013, pp. 356–365.
8. Tarieva L. U. Refleksivnyiy rezhim interpretatsii kanonicheskoy rechevoy situatsii // Vestnik rossiyskogo universiteta druzhbyi narodov, 2013, № 4, pp. 84–89.
9. Tarieva L. U. Slyshaschiy v kachestve sub'ekta vospriyatiya // Gumanitarnyye issledovaniya, 2013, № 4 (48), pp. 30–34.
10. Hintikka Ya. Logiko-epistemologicheskie issledovaniya: Izbrannyye stat'ji. Moscow, Progress, 1980. 447 p.
11. Willett Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality // Studies in Language. Amsterdam, 1988. Vol. 12, № 1, pp. 51–97.

ИРОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ИРОНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: СИСТЕМА КОРРЕЛЯЦИЙ

Заврумов Заур Асланович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357350, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В статье рассматривается иронический текст и иронический контекст с позиций наличия корреляций между ними, устанавливается иерархия соотношений между конкретными видами иронии и контекста, что предопределяет систематизацию знаний об иронии как многоуровневом феномене. Импликационал иронического текста непротиворечиво вписывается в координаты контекстуального манифестирования иронического высказывания.

Ключевые слова: внешний контекст, внутренний контекст, иронический текст, субъективная модальность, интенция, ирония, импликационал